

Оксана Савье

Хозяюшка

Оксана Савье

Хозяюшка

<https://litres.ru/74298474>

Аннотация

Пять лет я стою у плиты каждый праздник, оплачиваю чужие счета, молчу, когда надо кричать, и говорю «хорошо», когда всё совсем не хорошо. Муж называл меня хозяйюшкой — с гордостью, как говорят «моя машина».

Пока однажды не сварила особенный борщ. Такой, что гости запомнили надолго. А я — ушла.

Новая работа. Новый мужчина. Всё наконец складывалось.

Пока лучшая подруга не решила, что этого мужчину я не заслужила.

Содержание

Глава 1. Идеальная жена	4
Глава 2. Квартира матери	15
Глава 3. Хозяюшка	29
Глава 4. Ремонт	41
Глава 5. Его деньги	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Идеальная жена

Третий месяц брака пах сдобой и кофе.

Я помню это совершенно точно — запах. Дрожжевое тесто на пирожки, которые я затеяла в субботу утром просто так, без повода, потому что хотелось. Потому что могла. Потому что была такая лёгкость в груди, что руки сами тянулись что-то делать — месить, лепить, творить.

Арсений появился на кухне в половине десятого — тёплый со сна, в серой футболке, с помятой щекой и совершенно невменяемым выражением лица.

— Ты когда встала? — сказал он, останавливаясь в дверях.

— Восемь.

— Зачем?

Я обернулась. Он смотрел на меня с искренним непониманием — как смотрят на человека, который добровольно прыгает в холодную воду.

— Захотела пирожки, — сказала я.

Он вздохнул — специальным вздохом измученного человека, которого никто не понимает — и пошёл ко мне. Встал сзади, обнял, уткнулся подбородком в макушку. От него пахло сном и чем-то своим, тёплым, домашним, таким знакомым, что я закрыла глаза.

— Пирожки с чем? — спросил он в мои волосы.

— С яблоками.

— С яблоками не люблю.

— Знаю. Они для меня.

Он засмеялся — неожиданно, от живота, как смеются, когда действительно смешно, а не из вежливости. Я засмеялась тоже. Потом он потянулся через моё плечо, оторвал кусочек теста, сунул в рот и сморщился.

— Это же сырое.

— Невкусное.

— Оно станет вкусным, когда испечётся. Это называется

процесс.

— Ты очень умная, — сказал он серьёзно. — Я давно хотел сказать.

Я отвернулась, чтобы он не видел, как я улыбаюсь. Не потому что хотела скрыть — просто такое счастье казалось чем-то хрупким. Как будто если смотреть на него слишком пристально, оно может испугаться и уйти.

Я думала тогда: вот оно. Вот то самое, ради чего всё. Ради чего загс и платье, и мамины слёзы на фотографиях, и коробки с переездом, и все эти взрослые решения, которые я принимала с замирающим сердцем. Вот оно — обычное субботнее утро, сырое тесто и смеющийся мужчина у меня за спиной.

Пирожки тогда получились хорошие.

Четыре года спустя я стояла в той же кухне.

Тесто я больше не делала — некогда, да и незачем. Готовила быстро и функционально: первое, второе, что-нибудь на перекус. Руки те же, кухня та же. Всё то же и совсем не так.

Арсений сидел в гостиной. Диван, телефон, привычная поза — немного сполз набок, нога на ногу, большой палец листаёт ленту. Пришёл после работы, поел, сказал *нормально*, когда я спросила как день, и теперь отдыхал.

Он работал пять дней в неделю. Это было его главным и истощающим вкладом в нашу совместную жизнь, и, кажется, он сам так думал. Без иронии. Без тени сомнения.

Я домывала посуду и смотрела на его затылок в дверной проём.

Затылок как затылок. Волосы чуть отросли, надо бы постричься. Я подумала, что надо напомнить, потом подумала, что уже напоминала, потом подумала — почему я вообще об этом думаю, это его волосы, пусть сам напоминает себе.

Телефон на столешнице завибрировал.

Тамара Викторовна.

Я вытерла руки и взяла трубку.

— Есения, добрый вечер.

— Добрый вечер, Тамара Викторовна.

— Как у вас?

— Всё хорошо, — сказала я. Это был ритуал, не разговор. Она никогда не спрашивала как у *меня* — она спрашивала *как у вас*, имея в виду — как Арсений.

— Слушай, я звоню по поводу субботы. Мы с Колей решили — давно не собирались все вместе, понимаешь? Придут Маша с Геннадием, Кристина обещала, Колины дети. Народу будет много, может даже Лариса со своим.

Я помолчала секунду.

— В субботу?

— Ну да, в субботу. Что-то не так?

— Нет, всё в порядке. Просто уточняю.

— Вот и хорошо. Ты у нас мастерица, что-нибудь придумаешь. Борщ сделай, Коля твой борщ любит. И что-нибудь горяченькое, пирожки или там...

— Я поняла, Тамара Викторовна.

— Отлично. Арсений дома?

— Да, передать?

— Скажи, что мы в субботу, он знает.

Она повесила трубку. Я постояла с телефоном в руке, глядя на тёмный экран.

Полный дом гостей. Борщ, что-нибудь горяченькое, пирожки или там.

Или там.

Я вышла в гостиную.

— Звонила твоя мама. Говорит, в субботу все собираются. Просит борщ и горячее.

Арсений не оторвался от телефона.

— Угу.

— Арсений.

— Слышу, слышу. — Он наконец поднял взгляд. — Ну и

что? Приготовь что-нибудь нормальное, не впервой.

Я смотрела на него.

Что-нибудь нормальное.

Не впервой.

— Хорошо, — сказала я.

Он уже вернулся к телефону. Я вернулась на кухню.

Встала у раковины, включила воду просто так — не потому что что-то нужно было мыть, просто чтобы было какое-то движение, какой-то звук. Смотрела в окно на тёмный двор и думала: когда всё изменилось?

Я часто думала об этом в последнее время. Пыталась найти точку. Конкретный день, конкретный разговор — вот здесь, вот в этот момент, всё стало иначе. Но точки не было. Совсем.

Первый Новый год у нас — Арсений мыл посуду после гостей, неловко, половину не домыл, пришлось перемывать, но мыл. Второй — сидел помогал мне резать овощи, медленно и криво, но сидел рядом, разговаривал. А потом... Потом

как-то само собой получилось, что я справлялась одна. А он не замечал, что нужна помощь. А я не говорила. А потом не говорила уже по привычке.

Не было момента. Просто однажды утром оказалось, что так.

Я выключила воду.

Гости в субботу. Борщ. Горячее. Нарезки — куда без нарезок. Тамара Викторовна любит оливье, Геннадий не ест рыбу, у Кристины была непереносимость лактозы — или уже нет? Надо уточнить. Маша всегда приносит свой торт, который все едят и хвалят, хотя торт так себе, но я это, конечно, никогда не скажу.

Я взяла листочек и начала писать список.

Ночью я лежала и смотрела в потолок.

Арсений спал — ровно, спокойно, слегка приоткрыв рот. Он всегда засыпал быстро. Я всегда завидовала этому его качеству — укладываться в кровать и через несколько минут уже быть где-то там, в тишине, в темноте, где нет списков продуктов и тамарвикторовниных звонков.

За окном шёл дождь. Тихий, осенний, настойчивый.

Я думала о субботе. Потом поняла, что думаю о субботе, и попробовала переключиться. Подумала о работе — там сдача квартального отчёта, надо доделать до пятницы. Подумала о маме — давно не звонила, надо позвонить. Подумала о том, что у меня уже несколько лет лежит в шкафу курс итальянского, который я купила с намерением заниматься по вечерам.

По вечерам я готовила ужин, мыла посуду, разбирала рабочую почту и думала о субботе.

Я повернулась на бок и посмотрела на спящего Арсения.

Когда я последний раз делала что-то только для себя?

Вопрос возник неожиданно — чётко, конкретно, как задача в рабочем отчёте. Не риторически, а по-настоящему: когда? Какой день, что именно?

Я честно попыталась вспомнить.

Полгода назад купила книгу — детектив, хотела читать в метро. Прочитала пару глав, потом стала ездить на машине, и книга перекочевала в сумку, а потом на полку. Там она

стоит до сих пор.

В марте записалась на йогу. Сходила дважды, потом Тама-
ра Викторовна сказала, что собираются на дачу и нужна по-
мощь, и я не пошла в третий раз, и как-то так оно и осталось.

Прошлым летом мы с подругой планировали съездить на
выходные в Питер. Не поехали — Арсений сказал, что как-
то некстати, и я согласилась. Некстати чего — не уточнила.

Я лежала и смотрела на тёмный потолок, а дождь всё шёл
за окном, и Арсений всё спал рядом — родной, привычный,
абсолютно спокойный человек, которому было некогда мыть
посуду и некстати ехать в Питер.

Итальянский в шкафу. Книга на полке. Йога — два раза.

Когда я последний раз делала что-то только для себя?

Не могла вспомнить.

Это было странное открытие — не острое, не болезнен-
ное. Скорее как находишь в кармане зимней куртки чек из
кафе и пытаешься вспомнить, когда там была. И не можешь.
И непонятно, хорошо это или плохо — просто факт, кото-
рый лежит у тебя в ладони и весит неожиданно много.

Я накрылась одеялом до подбородка.

Завтра надо купить говядину для борща. Лучше взять с утра, чтоб свежая. И проверить, есть ли свёкла — кажется, осталась одна, но маленькая. И позвонить Кристине насчёт лактозы.

Я закрыла глаза.

Дождь шёл.

Арсений спал.

Я думала о свёкле.

Глава 2. Квартира матери

Тамара Викторовна приехала в субботу в половине одиннадцатого.

Я знала, что приедет раньше гостей — она всегда приезжала раньше. Официально — помочь. Фактически — проверить. Это была настолько устоявшаяся традиция, что я даже перестала на неё обижаться. Просто факт жизни, как пробки на Садовом кольце и подорожание продуктов.

Я открыла дверь с полотенцем на плече и запахом лука на руках.

— Есения, — сказала она вместо здравствуйте, входя и снимая пальто. — Борщ уже варится?

— Варится.

— Хорошо. — Она повесила пальто на крючок — не тот, на который вешала всегда я, а соседний, который негласно считался её. — Арсений дома?

— В гараже. Обещал к двенадцати.

Она кивнула с видом человека, которому это объяснять не нужно — всё и так понятно, всё правильно, сын в гараже, невестка у плиты, мировой порядок соблюдён. Прошла в гостиную, огляделась.

Я вернулась на кухню и стала помешивать борщ.

— Полотенца поменяла? — донеслось из ванной.

— Меняла на прошлой неделе.

— Это какой цвет?

Я закрыла глаза на секунду.

— Бордовый.

— Я же говорила — бежевые лучше смотрятся. Бордовый мрачный.

— Хорошо, Тамара Викторовна. В следующий раз куплю бежевые.

Она вышла из ванной и прошла в гостиную. Я слышала, как она идёт по квартире — неторопливо, обстоятельно, с короткими остановками. Квартира была трёхкомнатная, хо-

роший район, досталась от бабушки Арсения. По документам — Арсению. По убеждению Тамары Викторовны — *то, что я дала детям*, потому что бабушка была её матерью. Логика железная, я давно перестала искать в ней изъяны.

— Кресло переставила? — спросила она из гостиной.

— Чуть ближе к торшеру. Так удобнее.

— Оно там всегда стояло.

— Тамара Викторовна, я просто...

— Там стояло, — повторила она мирно, без упрёка, как повторяют очевидное. — Ладно, это мелочи. Мяса много взяла?

— Достаточно на горячее и в борщ.

Она появилась в дверях кухни, заглянула в кастрюлю через моё плечо.

— Маловато. Коля мясо любит.

— Там ещё закуски, нарезки, салаты...

— Мужчины салатами не наедятся. Арсений мясо любит. — Она вздохнула необременительно, без претензии — просто констатируя несовершенство мира. — Ну ладно, что есть. Кристина приедет, кстати.

— Вы говорили.

— Она похудела немного, заметила?

— Я её не видела с августа.

— Похудела. Диета какая-то новая. — Тамара Викторовна открыла холодильник, осмотрела содержимое с видом ревизора. — Майонез есть?

— В дверце.

— А горчица?

— Рядом.

Она закрыла холодильник и прошла в комнату напротив кухни. Я слышала, как открывается дверь.

Комната Кристины.

Кристина там не жила — у неё была своя квартира с мужем и ребёнком, — но комната исторически оставалась её. Кровать с тем же бельём, фотографии на полке, какие-то вещи в шкафу. Я однажды спросила Арсения — может, сделать там кабинет, мне негде работать из дома. Он посмотрел на меня странно. *Это комната Кристины.* Ну да, согласилась я. Конечно.

С тех пор работала за кухонным столом.

— Пыли нет, хорошо, — сказала Тамара Викторовна, возвращаясь. — Ты часто там убираешь?

— Раз в неделю.

— Кристина приедет — ей там ночевать будет нормально?

— Она разве остаётся?

— Зять в командировке, так что да. Вы с Арсением не против?

Я мешала борщ.

— Конечно нет, — сказала я.

К двум часам гостей набралось много.

Тётя Маша с Геннадием, дядя Коля с женой, Кристина — приехала первой, обошла квартиру с хозяйским видом, который всегда немного обескураживал, — племянник Лёша с подругой, ещё какие-то знакомые Тамары Викторовны, которых я видела второй раз в жизни.

Я выходила из кухни примерно раз в двадцать минут — поставить блюдо, забрать пустое, ответить на вопрос *откуда такой рецепт*.

— Есения, а это что за салат?

— Греческий.

— Вкусно. Рецепт поделишься?

— Конечно. — Я улыбалась. — Там всё просто, огурцы, помидоры, маслины...

— Умница ты, — говорила тётя Маша. — Настоящая хозяйюшка.

— Спасибо, — говорила я.

Это слово — *хозяйюшка* — прилипло ко мне на третий год брака и с тех пор ходило за мной как хвост. Тамара Викторовна говорила это с одобрением. Гости — с умилением. Арсений — с лёгкой собственнической гордостью, как говорят *моя машина* или *мой гараж*. *Моя хозяйюшка*.

Я улыбалась и уходила на кухню.

Вечером, когда гости добрались до чая и торта тёти Маши, я наконец села. Взяла тарелку с остывшим горячим, пристроилась на краешке стула между Лёшиной подругой и каким-то знакомым Тамары Викторовны.

Разговор шёл через меня — про дачи, про цены, про чьих-то детей. Я ела и кивала.

Напротив сидел Арсений. Он приехал из гаража к часу — свежий, в чистой рубашке, с хорошим настроением. Разговаривал с дядей Колей про машины, смеялся, рассказывал что-то про карбюратор. Был в своей тарелке — в прямом и переносном смысле, его тарелка была полной и горячей.

Тамара Викторовна встала с бокалом.

— Хочу сказать несколько слов, — объявила она. — Мы давно не собирались все вместе, и я рада, что сегодня полу-

чилось. Коля, Маша — вы наши самые близкие люди. За нашу семью.

Все подняли бокалы.

— И отдельно, — продолжила она, — хочу поблагодарить. — Она посмотрела в мою сторону. Нет, не на меня — сквозь меня, в сторону кухни, откуда пришли все эти блюда. — Хозяюшку нашу, которая всё это организовала и приготовила. Молодец.

Раздались одобрительные голоса. Тётя Маша захлопала. Дядя Коля кивнул с набитым ртом.

— Спасибо, — сказала я.

Арсений посмотрел на меня и подмигнул. Добродушно, с теплотой. Я улыбнулась.

Ела холодное горячее и думала о том, что Тамара Викторовна назвала меня не Есенией. Не невесткой. Хозяюшкой — функционально, обезличенно, как говорят *уборщица* или *повар*. Человек, который выполняет работу.

Я улыбнулась ещё раз — просто на всякий случай, вдруг кто смотрит — и взяла ещё кусочек хлеба.

Вечером, когда гости разошлись, я мыла посуду.

Посуды было много. Очень много. Я составляла тарелки стопками и думала о том, что посудомоечная машина окупилась бы уже давно, но Арсений говорил — зачем, у нас есть ты, ты же не против. Я говорила — не против. Это было правдой. Не ложью, не притворством — просто я действительно тогда не была против.

Арсений зашёл на кухню, открыл холодильник, достал пиво.

— Устала?

— Немного.

— Всё прошло хорошо, — сказал он удовлетворённо. — Всем понравилось. Мама довольна.

— Хорошо.

— Борщ особенно удался. Дядя Коля три тарелки съел.

— Я заметила.

Он открыл пиво, прислонился к холодильнику.

— Слушай, у меня к тебе разговор. — Он сказал это таким тоном, каким говорят о чём-то обычном, бытовом. — Мне тут нужны деньги на карбюратор. Импортный, оригинальный. Восемнадцать тысяч.

Я продолжала мыть тарелку.

— У меня сейчас немного свободных. После ремонта ещё плачу кредит.

— Ну, ты же получила в прошлую пятницу.

— Арсений, у меня кредит за ремонт плюс коммуналка, плюс продукты, плюс на прошлой неделе маме отправила на врача...

— Твоей маме?

— Моей маме, да.

— Ну, это твоё дело. — Он пожал плечами без обиды, легко. — Я просто про карбюратор. Восемнадцать тысяч — это не критично же.

Я смотрела в раковину.

Восемнадцать тысяч. Не критично. Просто восемнадцать тысяч из моей зарплаты, которую я получила в пятницу и из которой уже мысленно вычла всё, что должна, — и осталось ровно столько, чтобы нормально дожить до следующей пятницы.

—Хорошо, — сказала я.

— Спасибо. — Он допил пиво, поставил бутылку на стол — не в мусорное ведро, на стол, рядом с раковиной. — Я телевизор посмотрю.

Он ушёл.

Я взяла бутылку и выбросила её в ведро.

Потом вытерла руки, достала телефон, открыла таблицу в экселе. Я вела её уже несколько месяцев — педантично, бухгалтерски, потому что что-то в последнее время не складывалось и я никак не могла понять что именно.

Доходы. Расходы. Мои — отдельно. Общие — отдельно. Арсений — отдельно, маленький столбик: интернет плюс телефон, это его.

Я смотрела на цифры долго.

Моя зарплата была хорошей — больше, чем у многих. Но она растекалась по чужим нуждам: кредит за ремонт, коммуналка, продукты на полный дом гостей, мама, Кристина — путёвка в июне — Тамара Викторовна попросила помочь, я помогла, — зубной врач для Тамары Викторовны в марте, потому что дорого, а я же не откажу.

Арсений зарабатывал в три раза меньше. Из этих денег — интернет и телефон. Остальное — запчасти, авторынок, инструменты. Его гараж, его машина семьдесят восьмого года, его бесконечный ремонт. Я никогда не трогала эту статью. Не спрашивала. Казалось нечестным.

Я смотрела на таблицу.

Потом закрыла телефон.

Встала, поправила полотенце на плече, подошла к плите — проверить, всё ли выключено. Выключено. Подошла к окну — двор был тёмным, фонарь у подъезда мигал как обычно, уже который месяц, надо бы сообщить в управляющую компанию.

Надо бы.

Я постояла у окна.

Потом пошла к холодильнику — проверить, всё ли убрано. Всё убрано. Завтра надо разобрать контейнеры, что-то пустить на обед, что-то заморозить, борщ ещё на пару дней точно.

Из гостиной доносился телевизор.

Я вернулась к раковине и продолжила мыть посуду.

Позже — уже совсем поздно, когда Арсений давно спал и телевизор давно замолчал — я сидела на кухне с чаем и листочком бумаги.

Просто так. Не для дела — я давно уже всё посчитала и таблица была закрыта. Просто листочек лежал на столе, ручка лежала рядом, и я написала:

Когда я последний раз тратила деньги на себя?

Подумала. Написала ответ: *Книга. Полгода назад. Семьсот рублей.*

Смотрела на это.

Семьсот рублей за полгода. На себя. Книгу, которую не дочитала.

Отложила ручку.

За окном мигал фонарь у подъезда.

Надо бы позвонить в управляющую компанию, подумала я.

И ещё подумала — вот именно сейчас, первый раз — что всё это немного странно. Не страшно, не катастрофично. Просто немного странно. Как таблица в экселе, на которую смотришь и понимаешь: что-то здесь не сходится.

Что-то давно уже не сходится.

Я выпила чай и пошла спать.

Глава 3. Хозяюшка

Первый Новый год я готовила с октября.

Не в смысле буквально — хотя если честно, почти буквально. В октябре составила список блюд. В ноябре нашла рецепты, распечатала, сложила в папку. В декабре начала закупать непортящееся — консервы, специи, орехи для выпечки. Двадцать восьмого взяла два выходных за свой счёт и встала к плите.

Мне было двадцать семь лет, я была замужем четыре месяца, и я очень хотела стать своей в этой семье.

Не гостьей. Не невесткой, которую терпят. Своей — чтобы Тамара Викторовна говорила *наша Есения*, чтобы Кристина звонила просто так, чтобы дядя Коля с тётей Машей обнимали при встрече и спрашивали как дела — и ждали ответа.

Я думала — вот способ. Накормить. Создать праздник. Сделать так, чтобы всем было хорошо и тепло, и они поймут, что я своя.

Полный дом гостей. Несколько видов выпечки. Холодец

— первый раз в жизни, по бабушкиному рецепту, который мама продиктовала по телефону. Оливье само собой. Селёдка под шубой, горячее в духовке, нарезки, закуски.

Арсений тогда ещё помогал.

Не много — он вообще не умел готовить и искренне не понимал, зачем нужно столько видов салата, если можно меньше. Но он заходил на кухню, спрашивал чем помочь, мыл что-то, резал что-то криво и медленно, однажды перепутал соль с сахаром в тесте и мы оба смеялись над пирожками с соображением. Тридцать первого вечером, когда гости разошлись, он мыл посуду — плохо мыл, половину пришлось перемыть, но мыл. А потом обнял меня прямо у раковины, усталую и пахнущую луком, и сказал:

— Ты лучшая. Все в восторге.

— Правда? — спросила я.

— Мама сказала, что такого оливье не ела со свадьбы.

— Это комплимент?

— Это высшая похвала, — сказал он серьёзно. — Ты теперь легенда.

Я засмеялась и прислонилась к нему лбом.

Вот оно, подумала я. Вот за что всё.

Тамара Викторовна поймала меня перед уходом в прихожей и взяла за руку.

— Есения, — сказала она, и в голосе было что-то настоящее, не протокольное. — Умница ты. Настоящая хозяйшка.

Я расцветала. Прямо там, в прихожей, посреди ночи, с усталыми ногами и запахом кухни в волосах — расцветала, как расцветают, когда получают именно то, чего хотели.

Это моя семья, думала я. Я нужна.

С каждым следующим годом праздники становились привычнее — и незаметнее. Не хуже — просто привычнее. Я готовила, накрывала, мыла. Арсений перестал заходить на кухню — постепенно, не сразу, без демонстрации. Просто в какой-то момент его помощь растворилась, как растворяется сахар в чае: размешала — и нет.

На третий Новый год, в половине двенадцатого, Арсений встал с бокалом.

— Хочу сказать тост, — объявил он. — За наступающий год. За здоровье. За всех нас — и особенно за маму, которая всегда собирает нас вместе и держит нашу семью.

Тамара Викторовна растрогалась. Дядя Коля крикнул одобрительно. Кристина сказала *за маму*.

Все выпили.

Я тоже выпила.

За маму.

Я ела холодное горячее — вышла из кухни поздно, уже всё остыло — и думала: он просто забыл. Не со зла, просто не подумал. Я ведь всегда здесь, я ведь само собой разумеющееся. Обои на стенах тоже не благодарят.

Потом подумала, что это странное сравнение — себя с обоями — и выпила ещё вина.

На пятый год я попробовала изменить.

В ноябре, осторожно, за ужином.

— Арсений, я думала — может, в этот раз поедem к маме? К моей. Она одна, папа уже давно как... Ну, ты знаешь. Мы давно у неё не были на Новый год.

Он посмотрел на меня с таким выражением, как смотрят на человека, который сказал что-то неожиданно абсурдное. Не злым взглядом — искренне озадаченным.

— А наши как?

— Ну... они могут собраться у Тамары Викторовны. Или у Кристины.

— Есь. — Он отложил вилку. — Мы всегда встречаем здесь.

— Я знаю, но...

— Мама привыкла. Дядя Коля привык. Это традиция.

— У моей мамы тоже традиции.

— Ну так езжай к ней. — Он сказал это легко, без задней мысли, как очевидное. — Я-то здесь буду.

Я посмотрела на него.

Он уже снова ел.

— Хорошо, — сказала я. — Встречаем здесь.

Тридцатого я встала к плите.

Восьмое марта в тот же год началось в восемь утра.

К вечеру стол был накрыт, ноги гудели, спина тихо жаловалась на что-то своё. Я взяла тарелку, положила себе всего понемногу, огляделась.

Стол был красивый. Я умела накрывать — это правда, не скромность и не самолюбование. Скатерть, свечи, всё аккуратно расставлено.

Арсений сидел напротив — сытый, довольный, в хорошем настроении. Он поднял бокал.

— За женщин, — сказал он. — И особенно — за мою хозяйшку.

Гости умилились. Тётя Маша сказала *какой молодец, умеет ценить*. Тамара Викторовна одобрительно кивнула.

Я улыбалась.

Хозяюшка.

Арсений смотрел на меня с теплотой — настоящей, я не сомневаюсь. Он так и думал. *Моя хозяйюшка* — это было для него комплиментом. Высшей похвалой. Тем же, что *умницаи молодец*, сложенные вместе.

Я улыбалась и думала: что-то тихо трескается.

Не громко. Не катастрофически. Как трескается лёд на реке в марте — медленно, неслышно, и только потом понимаешь, что под ногами уже нет ничего твёрдого.

Хозяюшка.

Я ела и улыбалась, и за окном был март, и свечи горели, и всё было хорошо.

Позже той же ночью я лежала и думала об Арсении.

Не о том, который сидел на диване с телефоном — к тому я уже привыкла. Я думала о другом Арсении.

Несколько лет назад, в феврале. Я поссорилась с Ленкой

— старой подругой, мы дружили с первого курса — из-за какой-то глупости, которая на самом деле была не глупостью, просто долго копилось. Пришла домой в слезах, злая, с ощущением, что весь мир немного неправильно устроен.

Арсений был дома.

— Что случилось? — спросил он.

— Поссорилась с Ленкой.

— Садись, — сказал он просто.

И я села. И говорила долго — часы, наверное.

Про Ленку и про то, что давно уже было не так. Про то, что дружба — это когда тебя видят, а не когда ты удобна. Про то, что я всегда приезжала когда ей плохо, а когда мне плохо — она была занята. Говорила долго, путано, иногда повторялась, иногда противоречила сама себе.

Арсений сидел рядом и слушал.

Не перебивал. Не говорил *ну и ладно, забудь*. Не смотрел на телефон. Просто сидел, слушал, иногда гладил по руке. Когда я замолкала — ждал. Когда продолжала — слушал

дальше.

В конце сказал:

— Ты имеешь право злиться. Это было нечестно с её стороны.

Всего одна фраза. Но именно та.

Я смотрела в потолок и думала об этом человеке — который часами слушал меня в том феврале — и не могла соединить его с тем, который сегодня сказал *моя хозяйюшка* выпил за моё умение готовить в Международный женский день.

Это один и тот же человек.

Я это знала. Не плохой, не злодей, не тот, кто специально что-то сделал. Просто человек, который умел слушать тогда — и разучился. Или перестал считать нужным. Или я перестала говорить что-то важное, и он решил, что всё в порядке.

Кто из нас первый.

Я не знала.

Это и было самое страшное — не злость, не обида, а вот это: я не знала. Не было виноватого. Не было момента. Просто два человека жили рядом и каждый думал, что всё нормально, и в какой-то момент оказалось, что *нормально* — это не одно и то же, что *хорошо*.

За окном заканчивался Женский день.

Арсений давно спал.

Я лежала и думала о нём — о том, февральском, с его *ты имеешь право злиться*, — и мне было тепло и больно одновременно. Тепло — потому что он был. Больно — потому что его больше не было.

Один и тот же человек.

Это и есть самое страшное.

Утром я встала в семь.

Убрала со стола остатки вчерашнего. Домыла посуду. Поставила кастрюлю замачиваться.

Арсений вышел сонный, в той же серой футболке.

— Есть что-нибудь?

— Вчерашнее в холодильнике, — сказала я. — Разогрей.

— А свежего нет?

Я посмотрела на него.

— Нет, — сказала я.

Он кивнул, открыл холодильник, достал контейнер с борщом. Поставил в микроволновку.

— Сегодня в гараж, — сообщил он. — Вернусь к ужину.

— Хорошо.

Микроволновка пикнула. Он достал тарелку, сел, начал есть.

Я стояла у окна с кружкой кофе и смотрела во двор.

Март. Снег почти сошёл, только в тени у скамейки ещё серая полоска. Фонарь не мигал — починили наконец, я всё-таки позвонила в управляющую компанию.

— Вкусный борщ, — сказал Арсений за спиной.

— Спасибо, — сказала я.

Пила кофе. Смотрела на сошедший снег.

Думала: что мне с этим делать.

Ответа не было.

Кофе был хороший.

Глава 4. Ремонт

Идея была Тамары Викторовны.

Она высказала её в апреле — за чаем, между прочим, как высказывают что-то давно решённое и требующее лишь формального согласования.

— Есения, я смотрю — вам бы ремонт не помешал. Обои в гостиной ещё советские, кухня вся в жире, ванная... ну ты сама видишь. Жить так нельзя.

Я видела. Квартира досталась Арсению от бабушки — со всем содержимым, включая обои в мелкий цветочек, линолеум на кухне и ванную комнату с кафелем цвета топлёного молока, который в советское время, видимо, казался нарядным.

— Мы думаем об этом, — сказала я осторожно.

— Думать мало, — сказала Тамара Викторовна. — Надо делать. Квартира хорошая, район хороший — а внутри стыдно людей принимать.

— Это дорого, — сказал Арсений. Он всегда соглашался

с матерью, но иногда для приличия предъявлял формальное препятствие. — Откуда деньги.

— Есения работает, — сказала Тамара Викторовна просто.

Арсений посмотрел на меня. Я посмотрела на Арсения.

— Надо подумать, — сказала я.

Думала я две недели. Посчитала всё тщательно. Нашла бригаду, попросила смету — получилось дорого. Прибавила запас — жизнь научила, что ремонт всегда дороже, чем кажется.

У меня были накопления — те самые, на машину. Я несколько лет откладывала по чуть-чуть, мечтала о подержанной, небольшой, чтобы не зависеть от метро.

Машина подождёт, сказала я себе.

Взяла кредит. Добавила свои накопления. Подписала договор с бригадой.

Арсений в тот день был в гараже. Я позвонила, сказала, что всё оформила. Он сказал *молодецы* спросил, когда нач-

нут.

В понедельник, сказала я.

Хорошо, сказал он.

Первую неделю я думала, что справлюсь легко.

Ремонт — это просто организация. Поставить задачу, проконтролировать, принять работу. Я умела организовывать — на работе у меня был отдел, квартальные отчёты, дедлайны. Ремонт — это просто другой проект.

Примерно так я думала в первую неделю.

На второй всё посыпалось. Плитку, которую я выбрала, сняли с производства — надо искать замену. Бригадир Валерий имел особое мнение относительно расположения розеток, которое принципиально расходилось с моим. Смета поползла вверх, потому что под старыми обоями обнаружилась плесень и её надо обрабатывать. И ещё выяснилось, что я совершенно не понимаю разницу между матовой и полуматовой краской, пока не видишь их рядом на стене — и одна из них тебе категорически не нравится.

Я ездила на объект каждый день после работы. Валерий

показывал мне прогресс. Я смотрела, задавала вопросы, записывала, ехала домой, мыла голову от строительной пыли, которая каким-то образом оседала везде, и ложилась спать.

Арсений приехал один раз.

Подписать что-то — я уже не помню что именно, какой-то документ, который требовал его подпись как владельца. Приехал, подписал, огляделся.

— Нормально делают, — сказал он.

— Стараются, — согласилась я.

— Когда заканчивают?

— Через несколько недель по плану.

— Долго.

— Ремонт долго, — сказала я.

Он кивнул, похлопал Валерия по плечу — дескать, давайте, ребята, — и уехал.

Я осталась обсуждать с Валерием плитку.

Середина ремонта пришлась на вечер в конце мая.

Я стояла в том, что раньше было кухней, и смотрела на провода, торчащие из стены, мешки с цементом, перевёрнутые вёдра. Пахло штукатуркой и чем-то химическим. На мне была рабочая куртка поверх офисной блузки — переодеться было негде, я ездила сюда прямо с работы.

Ныли ноги. Ныла спина. В голове крутился разговор с Валерием про стяжку пола и ещё крутилась рабочая задача, которую я не доделала до отъезда и надо было доделать сегодня ночью.

Я достала телефон — и увидела пропущенный от Арсения. Перезвонила.

— Есь, ты скоро? — спросил он. Голос домашний, ослабленный.

— Ещё пару часов наверное, — сказала я. — Надо с Валерием разобраться по электрике, он говорит, что...

— Понял, — сказал Арсений. Пауза. — Ладно, я тогда к маме поеду поем. У неё котлеты сегодня.

Я молчала секунду.

— Хорошо, — сказала я.

— Ну и ты приезжай, когда закончишь. Или сама поешь там что-нибудь.

— Там негде есть. Там ремонт.

— Ну, по дороге зайти куда-нибудь. — Он сказал это легко, заботливо почти — в его понимании это было практичным советом. — Ладно, пока.

— Пока.

Он повесил трубку.

Я стояла с телефоном в руке посреди будущей кухни — в пыли, в строительном запахе, в офисной блузке под рабочей курткой — и смотрела на провода из стены.

Он даже не спросил, как я.

Не как *идёт ремонт*, не *устала ли*, не *нужна ли помощь*. Он спросил, скоро ли я, потому что хотел знать, когда я появлюсь дома. И когда выяснилось, что не скоро, — решил

вопрос с ужином самостоятельно и наиболее удобным для себя способом.

Котлеты у мамы.

Я убрала телефон в карман.

Это был маленький момент — я понимала это. Не катастрофа, не предательство. Просто маленький момент: человек не спросил, как я. Такое бывает, все устают, все иногда думают только о себе.

Но маленькие моменты копятся.

— Есения Алексеевна! — крикнул Валерий из коридора.
— Вы здесь? Я по электрике хотел...

— Иду, — сказала я.

И пошла.

Тамара Викторовна приезжала часто.

Она приезжала руководить — это было её слово, хотя сама она, кажется, считала, что приезжает помогать. Ходила по квартире, смотрела, качала головой, спрашивала Валерия,

почему здесь так, а не иначе. Валерий отвечал дипломатично — он быстро понял расстановку сил.

— Плитка слишком светлая, — сказала она однажды.

— Мне нравится светлая, — сказала я.

— На светлой всё видно.

— Это и хорошо. Сразу понятно, где мыть.

— Практичнее тёмная.

— Тамара Викторовна, — сказала я — осторожно, без резкости, — я выбрала эту плитку. Она уже заказана.

Она посмотрела на меня — изучающе, без злобы.

— Ну как знаешь, — сказала она.

Кристина приехала один раз — в самом конце, когда всё было почти готово и пахло свежей краской. Прошлась по комнатам, наклонив голову.

— Симпатично, — сказала Кристина. — Только цвет стен в гостиной... Мятный был бы лучше, мне кажется.

Я смотрела на стены. Я выбирала этот цвет долго. Тёплый белый, почти кремовый — чтобы было светло и не холодно. Приложила к нему образцы мебели. Убедилась.

— Думаешь? — сказала я.

— Ну, мятный сейчас в тренде. И посвежее смотрится.

Кристина уехала.

Я позвонила Валерию.

— Валерий, нужно перекрасить гостиную.

Пауза.

— В какой цвет?

— Мятный.

Ещё пауза.

— Есения Алексеевна, мы только вчера закончили.

— Я понимаю. Сколько это будет стоить?

Дополнительные деньги и два дня работы.

Я перекрасила.

Ремонт закончился в июле.

Дольше, чем планировали. Итого вышло заметно дороже сметы. Ещё немного из накоплений — тех, которых и так почти не осталось.

Я ходила по свежей квартире и думала, что надо признать — вышло красиво. Светло, чисто, пахнет правильно.

Арсений ходил следом, смотрел, кивал.

— Молодец, — сказал он. — Хорошо получилось.

— Спасибо.

— Мама будет довольна.

Я остановилась у кухонного окна.

— Арсений.

— Что?

— Кредит я буду платить ещё полтора года.

— Ну да. — Он сказал это без беспокойства — просто как факт. — Зато теперь нормально жить можно.

— Полтора года, — повторила я. Не с претензией. Просто хотела, чтобы он услышал. — Каждый месяц из моей зарплаты.

Арсений посмотрел на меня. Во взгляде было лёгкое недоумение — как у человека, которому объясняют что-то очевидное непонятно зачем.

— Есь, ну мы же для себя делали. Мы же здесь живём.

— Да, — сказала я. — Для себя.

Помолчала секунду.

— Пойду чай поставлю.

Полтора года спустя — уже другим человеком, уже в другой квартире, уже совсем другой жизнью — я платила последний взнос.

Нажала *подтвердить*. Смотрела на экран телефона: кредит погашен.

Была такая тихая минута — просто тихая, без фанфар — и я подумала, что квартира с кремовыми стенами и белой плиткой стоит сейчас пустая в хорошем районе, и Арсений живёт там, и иногда, наверное, ездит к маме есть котлеты.

А я — здесь.

В своей квартире.

Маленькой, съёмной, без ремонта — просто нормальные обои, нормальный линолеум, ничего лишнего. Без мятного цвета в гостиной и без советов про полотенца.

Просто моя.

Я убрала телефон и пошла варить кофе.

Глава 5. Его деньги

Разговор о деньгах случился в сентябре.

Не потому что я специально выбрала момент — я вообще не умею выбирать моменты для неприятных разговоров, я их избегаю до последнего, это мой личный недостаток, с которым я давно примирилась. Просто так получилось. Просто в один обычный сентябрьский вечер что-то во мне кончилось — не взор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.